

Наш современник

Судьбы российских востоковедов изобилуют частыми и порой неожиданными переплетениями. Здесь могут сочетаться разные профессиональные навыки: мудрость политика, прозорливость разведчика, профессионализм дипломата, мастерство писателя, оперативность журналиста и многое другое. Так сложилось исторически со времен Российской империи, что знатоки стран Азии и Африки высоко ценились и параллельно выполняли несколько функций. Истории известны многочисленные такие примеры.

Нет ничего удивительного в том, что при смене советского строя и рождении новой демократической России люди нашей востоковедной профессии стали особо востребованы. Достаточно напомнить, что директор Института востоковедения Е. М. Примаков в тяжелейшие годы распада и разлада стал третьим, а впоследствии и вторым лицом в государстве. М. Б. Пиотровский был призван временно, чтобы из кабинетного ученого стать крупным общественным и культурным деятелем, снискавшим почет и уважение среди культурных элит многих стран мира. В этот же период профессор Ватаняр Саидович Ягья, как и некоторые его коллеги из Ленинградского государственного университета, включая Владимира Владимировича Путина, взяли на себя тяжелый груз по переустройству социально-политической системы в одном из крупнейших мегаполисов мира — Санкт-Петербурге. Это сейчас, спустя десятилетия, перелистывая альбомы с фотографиями тех лет, можно спокойно рассуждать о прошлых трудностях и лишениях. Тогда же перед командой молодых демократов стояла труднейшая задача — выстоять в условиях начавшейся разлуки и наступавшего социального кризиса.

Ватаняр Саидович не любил вспоминать о своей роли в решении тех насущных проблем в бытность главным советником мэра города и о своем личном вкладе в содействие работе Анатолия Собчака. Коллеги в те годы не переставали удивляться, как он в сложившихся на тот момент условиях мог находить возможность продолжать свою научно-педагогическую деятельность, жертвуя своим личным временем и практически не получая за это никакого вознаграждения.

Мы хорошо помним те порой совсем нищие годы, когда сотрудники академических институтов приходили на работу попить горя-

чего чая с сухариками и тощими бутербродами, поскольку выплату зарплат и пенсий задерживали по несколько месяцев. Аналогичная ситуация царила и в университетах, где зарплата профессуры была ниже швейцара и уборщицы в появившихся тогда элитных средних школах. Диву даешься, как смогла группа энтузиастов, возглавляемая В. С. Ягья и К. К. Худолеем, создать целый факультет международных отношений, ставший сегодня флагманом Санкт-Петербургского государственного университета. Требовалась не только поддержка влиятельных фигур, но и разработка концепции первой в Санкт-Петербурге школы подготовки специалистов в области международных отношений. Одновременно с основанием факультета в 1994 г. В. С. Ягья создал и возглавил первую в России кафедру мировой политики.

Главный объект научных изысканий профессора Ягья как признанного африканиста — Эфиопия¹. Специалисты по этой стране давно оценили вклад Ватаняра Саидовича в изучение данного направления отечественной африканистики. Как тюрколог позволю себе выделить тюркологические сюжеты научных работ В. С. Ягья.

Система академического востоковедного образования в городе на Неве позволяла подготовить эрудированного во всех отношениях специалиста. Так, арабисты-историки по багажу своих познаний являлись в определенной степени османистами-историками и даже специалистами по истории народов Кавказа и Центральной Азии, как и сами османисты и тюркологи были знатоками Ближнего Востока и Северной Африки. Достаточно взглянуть на перечень филологических, исторических и даже археологических трудов тюрколога с мировым именем С. Г. Кляшторного. Или ознакомиться со списком публикаций таких профессоров, как Н. Н. Дьяков, С. И. Султанов, Е. И. Зеленев и ряда других. Что же касается африканиста петербургской школы, то здесь всегда преобладало удивительное сочетание филолога, историка и этнографа в одном лице. В этой связи нет ничего удивительного, что африканист В. С. Ягья обратился к анализу политических процессов в Турецкой Республике как к преемнице некогда могущественной Османской империи. Уделяя внимание динамике трансформаций внешнеполитической активности Анкары

¹ Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М.: Мысль, 1978. 327 с.; Природные ресурсы Африки: (По странам и континентам) / Ю. Н. Гладкий, В. С. Ягья. М.: Знание, 1986. 45 с.; Цыткин Г. В., Ягья В. С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1989. 405 с.

на современном этапе, исследователь, в частности, сфокусировался на таких вопросах, как энергетическая политика Турции, эффективность инструментов многосторонней дипломатии на евразийском и ближневосточном политическом поле². Не остался профессор Ягья в стороне и от рассмотрения злободневных для современной Турции вопросов этнорелигиозного характера, связанных с политикой Анкары в отношении тюркоязычных республик на постсоветском пространстве и их роли в выстраивании российско-турецкого диалога³.

Совершенно новой темой стало определение роли и места Турции в борьбе за влияние в Африке, что не могло ускользнуть от исследовательского внимания профессора Ягья⁴. Он с присущей ему пронизательностью и научной чуткостью впервые, проводя компаративный анализ имперского прошлого и политического настоящего, связанного с повышением роли Турции в международных делах, привлек внимание отечественной научной общественности к комплексному изучению турецко-африканских отношений в постбиполярную эпоху. Продвижение международных инициатив в политической сфере, реализация крупных проектов в экономической, гуманитарной и культурной областях, упрочение научно-технического сотрудничества — все это позволяет Анкаре на текущем этапе весьма успешно конкурировать с ведущими державами мира, закрепившимися в этом регионе исторически. Турция, входящая в тройку крупнейших доноров гуманитарной помощи мира, открыла посольства в 41 стране Африки и увеличила товарооборот с африканским континентом в шесть раз за последние 15 лет, при этом турецкое руководство на среднесрочную перспективу ставит не менее амбициозные задачи.

² Ягья В. С. Турция в современной мировой системе // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 5 / под ред. В. С. Ягья, М. Л. Лагутиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 520 с.; Ягья В. С., Йюкселтен М. Н. Политика Турции в ближневосточном регионе (2002–2015 гг.) // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 16–26.

³ Ягья В. С., Соломина Д. В. Отношения России и Турции в XXI веке: тенденции и трудности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Филология. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. Вып. 1. 2014. С. 127–138.

⁴ Ягья В. С., Колесникова М. А. «Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 37–59.

Надо признать, что турецкие сюжеты в многообразном багаже научных исследований Ватаняра Саидовича отличаются новизной и оригинальностью, что, кстати говоря, не всегда встретишь в работах тех многочисленных авторов, что в последнее время резко взялись за турецкую тему.

Говоря о Ватаняре Саидовиче, сложно выделить какую-то наиболее важную грань его личности. Кто он в большей мере — общественный деятель-международник, ученый-африканист, отец-основатель нового университетского направления, политик новой волны? Да, вероятно, и всё по отдельности, и всё вместе взятое. Но главное — он наш современник, и нам посчастливилось работать и дружить с этим удивительным человеком.

*Ведущий научный сотрудник
Российского института стратегических исследований,
доктор исторических наук, профессор,
советник дипломатической службы России 1-го класса
Колесников Александр Антонович*